

Акад. А. С. ОРЛОВ

Гистория об Илье Муромце и Соловье Разбойнике

Среди рукописей собрания Н. П. Лихачева, принадлежащих Академии Наук, есть сборник XVIII в. (4^о, на 130 лл.), который числится под № 74 в инвентаре, составленном мною для части рукописного собрания б. Института книги, документа, письма. Этот скорописный сборник состоит из трех разновременных частей.

I. Первые 54 лл., писанные в начале XVIII в. одною рукою на бумаге с филигранью «герб Амстердама» хорошего рисунка, заняты тремя «Словами» против «ересей»: Козьмы пресвитера против богумилов, константинопольского патриарха Фотия против латинян и Иосифа Волоцкого против жидовствующих. Последние два слова даны в выдержках, списанных из рукописных миней четых Макария, архиепископа Новгородского и Псковского по экземпляру 1539 г.

II. Следующие 17 лл. (55—72) писаны особым почерком, на более грубой бумаге и позднее, чем начало XVIII в. Здесь помещена «История о семи мудрецах». Последние, заключительные восемь строк «Истории о семи мудрецах», занимающие верх 72-го л., писаны еще новой рукою, которой принадлежит и нижеследующее замечание: «Конец Сей Истории писалъ на чюлочной фабрики чюлошный ткачь Матвей [в 1767^м году декабря 8 дня]».

III. Лл. 73—130 писаны одним почерком на бумаге разных сортов. Из филиграней отметим на л. 91-м и 96-м дату: «763 году», которая свидетельствует о том, что вообще лл. 73—130 писаны не ранее 1763 г. Здесь помещены две статьи: лл. 73—88 об.: «Гистория ѿ славвѣомъ ѿ храбрѣ и силномъ Богатыре Илье Муромце сыне Иванѣиче ѿ Соловѣе Разбойнике», и лл. 89—130: «История ѿ славномъ и храбрѣ витезе Бове Кѣролевиче и о прекрасной Королевне Дружневне». На л. 130 об. рукою писца Историй об Илье Муромце и Бове Королевиче записано: «1773 году месеца сѣтебря 15 дня Сия тетра^т писана в марте 761 году дописана в августе 10 числа». Дату «761», новидимому, следует считать ошибочной в виду филиграни лл. 91 и 96 с «763» годом. Другие записи свидетельствуют о принадлежности сборника жителям города Углича, купцам Окатову и Священникову.

Из всех статей этого сборника наибольшего внимания заслуживает Гистория об Илье Муромце и Соловье Разбойнике, представленная здесь в списке 60-х годов XVIII столетия. По редакции своей текст этой Гисто-

рии тождествен с напечатанным по рукописи Забелина № 244/1 в статье Б. Соколова «Былины старинной записи», журнал «Этнография», 1927, № 1, стр. 109—113. В виду того, что текст № 74 собрания Лихачева — Академии Наук является только вторым представителем данной редакции, что он заполняет дефекты Забелинского списка и, повидимому, старше по времени письма,¹ издание его признаю необходимым.

[л. 73] Гѣстѡрїя

Ѡ слѣвнѡмъ Ѡ храбрѡ ѣ сѣлномъ Богатыре Илие Муромце сыне Ивановиче ѣ Ѡ Соловьѣ Розбойнике.

Бысть в славномъ городе Муроме жил тутъ старъ матеръ чѣлвкъ именемъ Иѡанѣ Елеѡерне[вич. И обе]² щание положи[ли женою] (л. 73 об.) своєю: ежели гдѣ бгѣ даруѣ мужескѣ поль, то ѡправля молебное пение свѣтителю хрѣтову Николаю чудотвѡцу каждой годъ. И по умоленію ихъ бгѣ дароваль имъ сына, и во святом. крещени нарекл[и] имя ему Илия. И какъ ста[лъ] вѡрастать до семи летъ и болея же ходилъ. И прилучилося в день свѣтителя хртова Ник[о]лая чудотворца, пошли ѡцъ [и мать] в прѣковъ Николая чудо[творца] молебное пение сове[ршити], а без ихъ явился ему (л. 74) свѣтитель хрѣстовъ Николай чудотворецъ и рече ему: Илия, имаша ли что пити? Ѡн же рече: Имамъ, ѡц і мати варили пиво для прѣдника свѣтителя гдѣня Николая чудотворца. Он же рече ему: Давай мне, Илия, пити. Илия рече ему: Не могу, ѡче мой, вос[т]јати на ноги. Он же даде ему пити и рече: Востави и ходи. А сам невидѣ бысть. И ѡ того часа встѣ, аки ни в чемъ не бываль, и вышелъ на улицу, и почѣ с ребятами (л. 74 об.) поигрывать, и почу в себе силу великую: которого вѡметъ за руку, руку оторветъ, которого за ногу, ногу оторвет, а которого вѡмет за голову, голову оторветъ. И за то великая жалоба произошла, и запретили ему. Тогда же у нѣ кобыла принесла жеребенка худово и шелудиваго. І молодецъ Илья Муромецъ свѣ Ивановичъ выпросилъ молодова жеребчика на свои руки и сталъ ево кормить и поить и³ свой^х рук и по зорямъ поваживать (л. 75) и покатывать, и в десять летъ такой ста великъ, храбръ и силенъ. И накупилъ Илья Муромецъ доспехи бѣгатырския и ста быть в великой славе и чести, славной бѣгатырь и сѣны Илья Муромецъ. И былъ въ прѣкви бѣжи, слушалъ святую заугреню воскресную и, ѡслушав заугреню, похѡ держалъ к стѣному граду Киеву, ко князю Владимиру, к солнышку Всеславьевичю. И завет держѣ на свою вострую саблю и на крепкой (л. 75 об.) лукъ с стрелами, что во всю дорогу вострой сабли із пшженъ не вынимать і на крепкой лукъ калены стрелы не накладывать. И подымаетца ево дѡрой конь, аки ды стѡбомъ. и скачетъ черезъ лѣсы дремучія, горы и доли межъ ногъ

¹ Редакция Гистории, представленная двумя списками Забелина № 244/1 и Лихачева — Академии Наук № 74, возникла сама не ранее начала XVIII в., судя по соединению в ее тексте таких слов, как «банкет», «церемония», «музыка», «миткалинный». Имя царя «Веспасион» могло появиться здесь по ознакомлении с Петровским изданием Иудейской войны Иосифа Флавия (1713 г.).

² Поставленное в прямые скобки вырвано в рукописи и восстановлено по изданию текста Забелина № 244/1 у Б. Соколова.

пускаеть. И какъ будетъ по^х градомъ по^х Себежѣ, услышалъ тутъ стукъ, топотъ, и конское ржаніе, кри^т и шумъ великоя. И проведалъ Илья Муромецъ, ажно стоя^т по^х градомъ три црѣвича, (л. 76) а со всякимъ црѣвичѣ^х по сту и по тысячи войско, и хотять Сибирское црѣство взять, а самого црѣя полонить. И тутъ Илья Муромецъ заветъ свой переменяеть, вострую саблю вынимаеть и напущаеть на всю силу ратную, и побилъ все^х, а тре^х црѣвичевъ в полонъ взялъ і подарилъ Сибирскому царю. И Сибирской црѣ спрашиваетъ: Гой еси ты, доброй молодець! Какъ тебя іменемъ зову^{тъ}, какъ величаю^{тъ} по ѡчеству і которого города? (л. 76 об.) Отверъ держитъ дѡрой молодець: Меня по имени зовутъ Илюшкою, а по отечеству Ивановъ снѣ, уроженецъ города Муромъ. И еще спрашиваетъ Сибирской царь: Куда твоя дорога імеется? Отверъ держитъ Илья Муромецъ: Еду я к столному граду Киеву. И Сибирской црѣ говори^{тъ}: Пожалуй, Илья Ивановичъ, сживи ты у меня, и золота ка^{на} тебе црѣская будѣ^{тъ} незаперта, и дамъ тебе да поцрѣствія моего. А Ия [л. 77] Муромецъ не сойволяетъ и спрашиваетъ прямой дороги ко граду Киеву, какъ бы ближе ехать. И Сибирской црѣ говоритъ: Прямой, гдѣрь Илья Ивановичъ, дороги нетъ у насъ х Киеву, а прямая была дорога на Брынскія леса, на грязи топучія, на мосты калиновыя, черезъ реку Смородину; толко та дорога залегла ровно тритцать летъ; и в те годы ни одинъ члвкъ не прохаживалъ, ни веръ не прорыскивалъ, ни птица не пролетывала, того ради ту (л. 77 об.) дорогу завладелъ Соловей Рабѡйникъ и поныне та^{къ} живѣ и дѣтми своими. И ту^{тъ} бгатырское сердо рагорелося, поехѡ прямою дорогою х Киеву. І какъ будетъ на мосту калиновомъ чре^з реку Смородину, напустилъ на него Соловей Рабѡйникъ и засвисталъ своимъ бгатырски^{мъ} посвистѡ рабѡйническимъ. И тутъ под Бѣю Мурѡцемъ бгатырской конь спотыкну^{тъ}; и что зговори^{тъ} Илья Муромецъ: Али нетъ на свете русской земли? Удари^{тъ} добра коня своею палицею (л. 78) желѣною: Что ты вѡчьа сытъ, травеной мешокъ, спотыкаешся ѡ^{тъ} такой лесной пугалицы, чучелы!¹ Свой кренкой лукъ и^{тъ} налушника, калену стрелу ис кочана і, натянувши, выстрели^{тъ} в Соловья Рабѡйника, і попала ему стрела в правой гласъ. И Соловей Рабѡйникъ упѡ съ 12 дубѡ аки бѡшей снопъ на землю. І Илья Муромецъ поскочилъ и селъ у Соловья Рабѡйника на белы^{хъ} грудя^{хъ}, и хочеть у него вынуть ретиву (л. 78 об.) сердо. І вѡмолитца Соловей Рабѡйникъ: Гой еси ты, снѣы бгатырь Илья Муромецъ снѣ Ивановичъ! Оста^{тъ} дшю на покаяние. Что зговори^{тъ} Илья Муромецъ: Где твоя, Соловей Рабѡйникъ, золота ка^{на} лежитъ? І Соловей Рабѡйникъ ѡвещаетъ: Моя золота ка^{на} лежитъ в моихъ селахъ Кутузовы^{хъ}, а гонцы гоняютъ по два мѣа до те^{бѣ} селъ а скоро на скоро в одинъ мѣцъ. И тутъ (л. 79) Илья Муромецъ привязывае^{тъ} Соловья Рабѡйника к своему стремени булатному. І какъ будутъ по^х селами Кутузовыми, завидели Соловьевы 12 снѡвъ и говорятъ: Вонъ нашъ батюшко едетъ, а в торока^{хъ} ведеть доброва молотца, у стремени привязана. А бѡшей снѣ говоритъ: То едетъ Илья Муромецъ, а в торока^{хъ} ведетъ нашево батюшку. И тутъ дети пометалися в кладовую горницу в золотую ка^{ну}, и надевають (л. 79 об.) на себя ружье бгатырское и хотять

¹ В Забелинском списке здесь прибавлено: «И вынимаеть».

с Бѣлюю Мурѡцемъ поледать.¹ И Соловей говорит: Гдѣри мои, детуки, не дразните вы дѡрова молотца, зовите вы ево к себе хлеба кушать и сажайте ево да столы дубовыя за ествы сахарныя. А Илья Муромецъ поворотилъ своимъ добрымъ конемъ ко граду Киеву, ко князю Владимиру. И как будетъ по градомъ Киево, и скачетъ (л. 80) чре³ стену белу каменную, и прямо едет во³ ворец, не ѡсылаючи и шапки не снимаючи. И у³ ворца постави своего [своего] коня бѣгатырскаго и Соловья Разбойника привязана, а самъ поше³ во³ ворецъ, в княженецкия полаты и, воше³ в полату, молитца чуны³ образомъ, а князю Владимиру ниско челомъ бьетъ, а после поклонисѣ на все четыре стороны.

И князь Владимиръ Киевской спрашиваетъ: Как тебя, (л. 80 об.) доброй молодець, именовъ зовут, и как величаютъ по отечеству, и ис которова города, и давнѡ и² города?

Отвѣтъ держитъ доброй молодець: Зовут, гдѣрь, меня Илюшкою, а по отечеству Ивановъ сынъ, уроженецъ города Мурѡма, а и² Мурѡма, ѡслуша³ воскресную зауреню. И князь Владимиръ усмешается: Что ты, Илья, врешъ и не свое говоришь, не твойскія у меня гонцы — гоняютъ ровно два мѣца, а скоро на скоро что (л. 81) в одинъ мѣцъ ис Киева в Мурѡ. И Иля Муромецъ говори³: Да еще, гдѣрь, мои две на меня причины были и беды великия на дороге, и иволите выслушать. Я скажу вашему величеству: ѡслуша³ я в Мурѡме заутреню воскресную, а дорогою завѣ я положилъ на себя, чтобъ из ноженъ сабли не вынима³, а на крепкой лукъ тетивы не накладывать. И приеха³ я по³ градъ Себежъ Сибирской, и тутъ стояли три цѣвича, а со всякимъ цѣвичемъ (л. 81 об.) силы по сту и по тысячи, и хотели тотъ гра³ по³ руку свою взять, а самого цѣя Сибирского полонить. И ту³ я силу всю порубилъ, и трехъ цѣвичевъ в полонъ взялъ и подарилъ Сибирскому царю Веспасиону. А³ ругая причина была: как буду я на мосту калиновомъ на реке Смородине, напусти³ на меня Соловей Рабѡйникъ, и засвисталъ шнъ свой рабѡйничь³ посвистомъ, и подо³ ною конь спотыкнуся ѡ того посвисту, а я (л. 82) прострели³ Соловья в правой глазъ и привесъ ево с собою для поинного ивѣстия. И ннѣ шнъ у вашего величества дворца ѡбретается. И князь Владимиръ выгляну³ из окошечка и увидель Соловья Рабѡйника, весма веселися и велель ему засвистать своимъ рабѡйническимъ посвистѡ.

И Соловей Рабѡйникъ ѡвѣтъ держитъ: Не твой, сударь, я холоп и не слушаю тебя, а слушаю я своего гдѣря, синѡго бѣгатыря Ию Мурѡца (л. 82 об.). И Иля Муромецъ велѣ засвиста³, и засвиста³ Соловей Рабѡйникъ, и тутъ гдѣ у богатырей кресла и стулья поломилась, а у князя Владимира скамья поломилась. И князь Владимиръ сталъ быть весма радостенъ и³ говоритъ таково слово: Тебе у меня, Илья Муромецъ, золота казна незаперта, бери, скоко иволишь, и конюшню не заперты, бери сколко иволишь лошадей и поежай, куда иволишь, и погреба тебе не заперты (л. 83). И для сей великой радости, что прочисти³ дорогу, велики кня³ Владимиръ Киевской указа³ учинить великой банкетъ и одари³ Ию Мурѡца вели-

¹ В Забелинском списке вместо «поледать» — «повоевать».

кѣми дарами и весма благодарѣ ево. І веселились немалое время. А повеселясь, захотелось Ильѣ Муромцу сыну Ивановичю погуляти по чистому полю розѣдѣти, и ѡпросѣя у князя Владимира. И князь Владимиръ Киевской подарилъ ему (л. 83 об.) слугу верново, бѣатыря, именемъ Торопа і ѡпустилъ ево с честью і велѣ с собою взять что хочетъ денѣ, бѣатырскѣ доспѣ. И слуга ево верной Торопъ осѣла коней бѣатырскѣ, а под Илью Муромца седлаеть седлечко черкасское, пштники бухарскія, у седла попруги шелковыя, пряжечки серебряныя, спенечки у пряжечекъ и стремена булатныя. А са приговариваетъ: Шелкъ не рвѣца, (л. 84) а булатъ не гнѣца, а чистое серебро не ржавиет. І поехалъ и славного города Киева, переска, киваетъ чрѣ стену белокаменную, и подымается ево доброй конь, аки дым стѣбѣ. І поехалъ далече в чистое поле за горы высокия, за лѣсы за темныя. Скакали пониже облака ходячего, повыше лесу стоячего, горы и доли промежь ногъ пускалъ и приехали на чистое поле, (л. 84 об.) и тут ставили шатры полотняныя. И спалъ молодець Ильѣ Муромецъ 3 дни и 3 ноци, а слуга ево Торопъ на карауле стоялъ. И слыши в поле далече конской топотъ ржаніе і человеческой шу, крикъ великой. И будить Илью Муромца. І ту встаетъ молодець, и умывается водою ключевою, утирается полотнечко, молица чужимъ образомъ, поклоняется на все четыре стороны, а самъ вговоритъ таково слово: Хотя я дого спалъ, да впору всталъ і на срокъ поспелъ (л. 85). І приказываетъ своему верному слуге Торопу, что поехад далече в чистое поле и осведомѣся, нели какой силы, не идут ли на святую Русь. И слуга скоро побегалъ і, недобежавши силы, испугася, скоро возвратѣся назадъ. Гой еси ты, гдѣрь мой батюшко, Ильѣ Муромецъ сынъ Ивановичъ, идетъ сила великая звериная на святую Русь; наперѣ идетъ страшнѣ і люты зверь, изорту у него огонь и польмя пышетъ, (л. 85 об.) а и поздрей у веря часты искры сыплютъ, из ушей у веря аки ды с обѣ. І што зговоритъ ту Иѣ Муромецъ сѣ Ивановичъ: Гой еси ты, слуга мой верной, Торопъ, силы у тебя есть противъ меня, а скоро пужаешь: вѣтъ, идетъ тутъ в поле Тухманъ црѣ со своею силою босуманскою, а не стадо звериное. И выходитъ и бѣла шатра полотняного і приказываетъ сѣлатъ добраго коня своего. И слуга беретъ скоро добра (л. 86) коня, кладетъ на него поничекъ бухарской, сѣлаетъ седлечко черкасское, потягиваетъ попруги шѣковыя, шелку шемаханского, пряжечки серебряныя, спенечки у пряжечекъ булатныя. А садѣся Ильѣ Муромецъ скоро на своего добра коня, и втыкаетъ в ма сыру землю свое копие мурзавецкое, и повесилъ на него ширинку миткалинную, наказываетъ своему верному слуге Торопу: Буде и моей ширинки мѣкалинной потечетъ кровь горячая, то буду убѣ, доброй молодець (л. 86 об.) Ильѣ Муромецъ сѣ Ивановичъ; буде же оная ширѣка мѣкалинная висѣ как хѣтия бѣлая, то я жиѣ есть. І прибежа скоро и побил сперва суперника и нѣруга, царя Тумана, а потомъ напускаетъ на всю силу босуманскую. А слуга Торопъ пробудѣся со сна, взглянувъ на ширѣну миткалинную, и показалось ему, якобы по ней идетъ кровь горячая. И садѣся для поспешения на своего добра коня и бѣ седла. І прибежа к той (л. 87) боевой силѣ, ажко еадит, шумуетъ и винтуетъ на коне

И^а Муромецъ сынъ Ивановичъ в шишаке , во всяко бѣатырско убѣанствѣ. И не по^аналъ слуга Торопъ своего г^дна, Илью Муромца и б^и с коня долой, б^чего і пал на з^емлю. А слуга же Торопъ нап^а на ево белы груди, и вынимаетъ и^н ноженъ свое чанжалище, и хоч^е споротъ у него груди белыя, а самъ говоритъ таково слово: Что ты, злодей Т^уман царь, убилъ моего г^дря, Илью Муромца, за то тебе скорая смерть (л. 87об.) будетъ жестокая. И что зговоритъ Илья Муромецъ: Слуга верны, Торопъ, я Илья Муромецъ, г^днъ твой. Еще же выкат^яся на груди крестъ золотой, і при^на и благим матомъ оскоч^и б^н нег^о, і по^анялъ ево за белы руки, і поставилъ на ноги, и па^а поклонися ему, і проси^а прощения, что не в ведени уш^б его. И то ему в вину Илья Муромецъ не постави^а, а поставилъ в верность и прости^а, и целова^ась во уста во с^арныя, и сядились на добры^и коней, и порубили осталную всю силу босурманскую. И с той победы с великою славою в^овратились в столны градъ Киевъ ко князю Владим^е (л. 88) к с^онышку Всеславьевичю. І кня^з Владимиръ Киевской встрей^и ихъ с великою радостію і с по^чтениемъ великимъ и с церемоніею великою, так что не можно вздумать о велик^о их весели и радовани. что б^г да победу на супостаты и одолени и оборони^а б^н св^тую Русь б^н тог^о поганского нах^ождения. И учини^а по всемъ пр^квамъ молебное пение и всенощное б^дение всю с^емицу. И пошелъ звонъ великой по всему граду Киеву і в политавры игроу и барабанны^м боемъ и со всякою музыкою. І по той великой радости о^даль кня^з Владимиръ Киевской с^онышко Всеславьевичъ до по^дцар^ьствія своего (л. 88 об.). И тут И^а Муромецъ с^нъ Ивановичъ стал жить во всяк^о благости и честности лета довольно и жаловал слугу своего великою честию, на^а всеми лю^дми б^ошимъ ба^лриномъ. И привезъ и^а Муромца і мать и самъ жени^а и слугу своего Торопа жени^а. И жили во всяк^о благополучіе в радости. . . и чести. . . до г^лубокой старости і тако... б^идоша, и погребение бытъ славное. І те еке люди миновалися, и слава и^а до скончания века. Конецъ.